

Ян Е в душе грязно выругался:

«Сукин сын! С виду весь такой благообразный, а сам исподтишка надо мной издевается. погоди, вот приберу тебя к рукам окончательно — попляшешь у меня!»

Он бесцеремонно сгреб Лин Шу в охапку и, увлекая в поцелуй, повалил на широкую постель. Ян Е навалился сверху, жадно лоя его губы. Дыхание Лин Шу сделалось прохладным и сладким, кружа голову хмельным восторгом. Оторваться было выше его сил; они долго и неистово ласкали друг друга, пока Лин Шу не начал задыхаться. Лишь тогда Ян Е неохотно отстранился. Какое-то время он пристально, не отрывая взгляда, смотрел на любовника, пока тот не возмутился и не сощурился в ответ. Рассмеявшись, Ян Е увлек его за собой, заставив сесть друг напротив друга.

За окном струился мягкий, похожий на жидкое серебро свет весенней луны, окутывая их нежным сиянием.

— Раз уж согласился, назад дороги нет, — негромко проговорил Ян Е. — Не смей потом жалеть, не бросай меня и не думай воротить нос.

Лин Шу лишь тихонько хмыкнул — то ли в знак согласия, то ли выражая сомнение, — но Ян Е уже снова опрокинул его навзничь, в несколько мгновений лишив одежды.

В лунном сиянии его кожа отливала матовым белком драгоценного нефрита — гладкая, безупречная, словно тончайший шелк. На груди покачивался тот самый нефрит из золотых нитей и красного бамбука.

Ян Е коснулся подвески пальцами — камень хранил живое тепло. Охваченный безумным вожделением, он прильнул к Лин Шу и принялся неистово покрывать поцелуями его грудь, дюйм за дюймом, не пропуская ни единой пяди тела, словно вкушал изысканное, долгожданное яство, смакуя каждую каплю.

Лин Шу тихонько, со сладостным изнеможением простонал. Прильнув к его уху, Ян Е с усмешкой прошептал:

— Помнишь стихи, что я тебе читал? Тогда ты наверняка ничего не понял, а теперь? Разобрался наконец?

Лин Шу медленно отвел со лба Ян Е растрепанные пряди волос, шутливо потянул его за ухо и ласково провел ладонью по крепкому плечу.

— Округлился ты знатно, — тихо заметил он, ощутив его лопатки.

Ян Е ничуть не обиделся на этот увод разговора в сторону. Он весело рассмеялся:

— Боишься, что раздавлю своей тяжестью?

Лин Шу промолчал. Он лишь обвил руками шею Ян Е и мягко притянул его к себе, словно безмолвно давая согласие. Сердце Ян Е зашлось от восторга. Опрокинув Лин Шу на простыни, он припал к его губам, растворяясь в бесконечной, томительной нежности.

Эта близость, долгожданная, словно живительный дождь после многолетней засухи, превзошла все ожидания. Ян Е не поспешил на ласки; дождавшись, пока возлюбленный полностью изнеможет в его руках, он двинулся вперед, готовый полностью раствориться в нем. Лин Шу покорно и послушно обвил ногами его поясицу, отдаваясь каждому яростному толчку. Видя такое редкое, нежное согласие, Ян Е окончательно потерял голову от счастья — казалось, он готов был отдать жизнь за это мгновение.

Когда буря наконец утихла, оба без сил повалились на постель, тяжело и часто дыша.

Ян Е не желал отстраняться. Устроившись на чужом плече, он слушал прерывистое, горячее дыхание Лин Шу у своего уха, чувствуя, как внутри вновь разгорается сладкое пламя. Он уже собирался накопить силы для второго захода, как вдруг Лин Шу глухо и натужно закашлялся.

Этот кашель прозвучал пугающе. Опасаясь, что придавил раненого, Ян Е поспешно скатился в сторону. Вглядевшись в лицо Лин Шу в неверном лунном свете, он похолодел от ужаса: в уголке бледных губ запеклась темная влага, пугающе похожая на кровь.

В панике Ян Е принялся дрожащими пальцами стирать ее. Жидкость оказалась липкой и теплой — и впрямь кровь!

— Что с тобой?! — всполошился он. — Откуда кровь? Почему ты харкаешь кровью? Только что ведь все было хорошо...

Лин Шу слабо оттолкнул его руку, выудил из-под подушки платок и сам утер губы.

— Старая рана еще не затянулась, — тихо выдохнул он. — Лекарь говорил, что со временем все пройдет, главное — не братья за оружие и побережь себя.

Ян Е застыл, не в силах вымолвить ни слова. Лин Шу покосился на него и внезапно спросил с лукавой усмешкой:

— Что, на этом все? Сдулся?

Куда там продолжать! От прежнего пыла Ян Е не осталось и следа. Однако, уловив в его голосе издевку, он парировал:

— На сегодня хватит, одного раза предостаточно. Я ведь у нас «немошный чреслами», мне положено себя беречь.

— Бесстыдник, — фыркнул Лин Шу. — Ладно, бывшие грехи поминать не стану. Но если еще хоть раз пойдешь блудить на стороне — ноги переломаю.

— Слушаюсь и повинуюсь! — торопливо закивал Ян Е. — А если двух ног покажется мало, можешь и третью ломать.

Улыбаясь, он забрал у него платок и принялся нежно смывать с его кожи следы их недавней близости. Лин Шу не противился. Позволив привести себя в порядок, он чуть сдвинулся назад и устало откинулся на мягкие подушки.

В мягком лунном свете, растрепанный и разомлевший, он выглядел до невозможности соблазнительно. У Ян Е снова сладко заныло в груди; он примостился рядом, уложив голову на его плечо. Лин Шу привычно обнял его, слушая тихое ворчание:

— Три месяца я вился вокруг тебя ужом, из кожи вон лез, чтобы ублажить! Думал, с ума сойду от воздержания. Весна на дворе, даже дикие звери в лесах с ума сходят от страсти, а ты хоть бы бровью повел. Еще немного, и мне бы только и осталось, что вздернуться у твоего изголовья.

— Сам ты дикий зверь, — лениво отозвался Лин Шу.

— Ладно, пусть зверь, я никогда и не отпирался, — усмехнулся Ян Е. — Да что там, я порой похлеще любого зверя бываю. Неужто только сейчас заметил?

Лин Шу поймал прядь его волос, задумчиво намотал на палец и вдруг спросил:

— Ты давеча жаловался, что ни к какому труду не приспособлен. Не умеешь — и не надо. Скотине домашней работать не положено, знай себе ешь да спи.

Ян Е уткнулся носом в изгиб его шеи и сонно пробормотал:

— Вот именно, ничего я не умею. Так что тебе придется меня содержать, и чур без попреков! Отныне я от тебя ни на шаг. Если мы снова расстанемся, как в тот раз, я точно помру.

Лин Шу помолчал, переваривая услышанное, и наконец вздохнул:

— Вечно ты сгущаешь краски. Ладно уж... прокормлю тебя.

Окно было приоткрыто, и ночной весенний ветерок, ласковый и теплый, тихонько шевелил тонкий шелк полога. Прильнув к груди Лин Шу и баюкая в ладони нефрит из золотых нитей и красного бамбука, Ян Е продолжал сонно бормотать — то ли обращаясь к возлюбленному, то ли заговаривая самого себя:

— Да, ты просто обязан меня содержать... Буду пить твоё сливовое вино, спать с тобой каждую ночь. Мы проживем вместе всю жизнь, и умереть я должен обязательно после тебя. Ведь если я уйду первым, ты точно побежишь по бабам или заведешь себе кого-нибудь... Хотя нет, лучше мне умереть раньше. Буду ждать тебя на мосту Найхэ. А то вдруг ты престаишься первым, переродишься с кем-нибудь другим и упорхнешь, а мне что тогда делать?

— Одной жизни мало? — тихо спросил Лин Шу. — Решил и за чертой гробовой меня караулить?

— Конечно мало! — горячо возразил Ян Е. — И двух жизней мало, и трех, да хоть тысячу раз перерождайся — все равно мало будет.

— Пару раз переломаю тебе ноги — сразу пылу поубавится, — буркнул Лин Шу.

Ночь стояла безмолвная, и негромкий шепот вскоре смолк — Ян Е крепко уснул. Лин Шу попытался было осторожно высвободиться из его объятий, но тот держал его мертвой хваткой. Пришлось смириться. Наутро плечо Лин Шу затекло и нещадно ныло, из-за чего он одарил спящего наглеца свирепым взглядом.

Шестого числа третьего месяца сыграли свадьбу Цянь Нина. Лин Шу, как и обещал, взял Ян Е с собой на торжество. Поглядев на новоиспеченного супруга, Ян Е наконец полностью успокоился и перестал видеть в Цянь Нине соперника.

Жизнь в горах текла неспешно и безмятежно. Минуло несколько месяцев, подступила летняя жара, однако по ночам в ущелье по-прежнему царила приятная прохлада, так что спать без легкого одеяла было зябко.

Дела в таверне шли в гору, забот прибавлялось с каждым днем. На сытую голову Ян Е изнывал от безделья, а потому велел Сяо Шаньцзы оставаться на подхвате в заведении, а сам вызвался править повозкой и развозить кувшины. Мужчина он был видный, бойкий на язык и гораздый на лезть, так что матушка Се быстро прониклась к нему материнской нежностью. Не прошло и нескольких дней, как этот шельмец вил из нее веревки: стоило ему показаться на пороге, как добрая женщина спешила приготовить его любимые кушанья, строго-настрого запрещая, впрочем, упиваться вином.

Терзаемый жаждой, Ян Е повадился таскать хмельное прямо из погреба. Поначалу все сходило ему с рук, но Лин Шу, парень дотошный и скорый на расправу, вел учет с аптекарской точностью. Не прошло и недели, как пропажа вскрылась. Ткнув пальцем в расхитителя, Лин Шу вскипел:

— Хорёк плешивый! То-то я думаю, почему у меня дебет с кредитом не сходится! Оказывается, у нас завелась крыса!

— Да ладно тебе, подумаешь, пригубил немного, — ухмыльнулся Ян Е. — И это говорит бывший чиновник третьего ранга! С каких пор ты стал таким мелочным сутягой? Никакого великодушия, даже матушка Се куда щедрее тебя будет.

Лин Шу, под чьей рукой как раз оказалась тяжелая деревянная счетная доска, не задумываясь швырнул ее в наглеца. Ян Е чудом поймал снаряд на лету и заголосил:

— Да я просто недоволен твоими сравнениями! Хорьки кур воруют, а я кур не трогал. В крайнем случае я — волк. Серый, кусачий, с большим пушистым хвостом!

— Пей-пей, — язвительно процедил Лин Шу. — Вот когда окончательно растеряешь мужскую силу, тогда и посмеемся. Погляжу, как ты запоешь со своими больными чреслами.

Лин Шу уже не в первый раз попрекал его этой слабостью, и Ян Е не на шутку вскипел:

— Да хоть бы и так! Думаешь, сам безгрешен? Помяни мое слово, если я и надорву чресла, то только вместе с тобой!

Выпустив пар, Ян Е отправился развозить заказы. Матушка Се как раз уехала в город за припасами, и Ян Е, не теряя времени, подговорил дядюшку Се пропустить по стаканчику. Заодно они прихватили с собой и Сяо Шаньцзы. К моменту, когда хозяйка вернулась, вся честная троица уже лыка не вязала. Едва завидев грозный блеск в глазах матушки Се, хмельной Ян Е сообразил, что пахнет жареным, и позорно дезертировал, оставив собутыльников расхлебывать кашу самостоятельно.

Когда он добрался до дома, на горы уже опустились сумерки. В комнате было темно, свечи давно погасли. Ян Е на ощупь пробрался к постели, юркнул под одеяло и принялся настойчиво прижиматься к Лин Шу. Тот раздраженно попытался спихнуть его:

— Уйди! Несет от тебя как из бочки, задохнуться можно!

Ян Е и ухом не повел, принимаясь горячо вылизывать его шею и мочку уха. Не в силах отбиться от навязчивых ласк, Лин Шу взмолился:

— Да помойся ты сначала, невыносимо ведь!

— И не подумаю! — хохотнул Ян Е. — В естественности вся прелесть, самый сок! А у тебя вечно миллион причуд.

Прильнув всем телом, он принялся бесстыдно ласкать любовника. Жаркие прикосновения быстро возымели действие: Лин Шу разомлел, перестал сопротивляться и покорно прильнул к его груди, отдаваясь во власть нахлынувшей страсти. Близость их в ту ночь выдалась на редкость бурной и упоительной — похоже, в словах Ян Е про «естественную прелесть» и впрямь имелась доля истины.

Но ненасытный Ян Е никак не мог остановиться, требуя все новых и новых ласк. Ближе к полуночи вконец измученный Лин Шу прохрипел:

— Пощади... завтра спозаранку за работу приниматься, дай мне хоть дух перевести.

Ян Е крепко обхватил его лицо ладонями и плотоядно ухмыльнулся:

— И не надейся. Кто тут постоянно твердил про мои больные чресла? Пока сам не взвоешь от слабости, из постели не выпущу!

И они снова погрузились в безумный вихрь страсти, пока Лин Шу окончательно не лишился сил, не в состоянии даже пошевелить рукой. Только тогда Ян Е угомонился.

На следующий день Лин Шу действительно едва смог подняться, чувствуя во всем теле свинцовую тяжесть и слабость. Наблюдая за его мучениями, Ян Е злорадно захлопал в ладоши:

— Ну что, надорвал чресла? Не желаешь ли пригласить лекаря, пускай прощупает твой пульс?

С трудом натянув одежды, Лин Шу одарил его испепеляющим взглядом:

— Сегодня работы не будет. В погребе запасов вина предостаточно, на несколько дней хватит. Передай помощникам, пускай отдыхают.

Раз уж выдался свободный день, Ян Е принялся настойчиво звать его развеяться — съездить к подножию горы в таверну или прогуляться по городку.

— Не поеду, — отрезал Лин Шу.

— Ну и чем ты собрался заняться? Может, тогда поднимемся повыше в горы?

— Буду сводить счета, — Лин Шу устроился за низким столиком и деловито достал замусоленную тетрадь в синей обложке.

Ян Е недовольно насупился, а затем бесцеремонно уселся прямо к нему на колени.

— Да что ты вцепился в эту дурацкую тетрадь? Каждый божий день одно и то же. Что ты там надеешься выгадать? Пойдем со мной, брось ты эти цифры!

Лин Шу попытался отмахнуться, но Ян Е ловким движением вырвал кондуит у него из рук и в мгновение ока порвал на мелкие клочки.

— Да ты просто невыносим! — вскипел Лин Шу. — Живо верни мне книгу!

Но Ян Е лишь крепче обвил руками его шею, капризно протянув:

— Если бы я ее не изничтожил, ты бы весь день с ней обнимался, а на меня и не взглянул бы! Она мне как соперница, так что поделом ей.

Лин Шу смерил его холодным взглядом.

— Бумагу ты испортил, но цифры у меня в голове. Завтра же перепишу все заново.

И все же, после долгих уговоров Лин Шу сдался и позволил увлечь себя к повозке. Ян Е взялся за вожжи, а изнуренный любовник лениво примостился рядом, прикрыв глаза. По пути Ян Е то и дело косился на него со счастливой улыбкой, пока Лин Шу окончательно не вышел из себя:

— Чего скалишься? Еще раз так посмотришь — глаза выколю!

Ян Е лишь задорно расхохотался:

— Так вот, оказывается, как выглядит мужское бессилие!

Он лихо щелкнул кнутом, направляя лошадей вниз по склону, к таверне Провожающей Весны.

Сяо Шаньцзы, услышав стук копыт, пулей выскочил навстречу. Заметив Лин Шу, он так и просиял:

— Братец Лин, какое счастье, что ты приехал! Отец снова напутал что-то в расчетах, матушка рвет и мечет, кости ему перемывает. Ты как раз вовремя, помоги!

Он без лишних слов утащил Лин Шу за конторку. Пока тот наводил порядок в бумагах, Ян Е вкрадчиво подошел к хозяйке:

— Матушка Се, я со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не держал. Так мяса хочется, сил моих нет!

Как раз утром заведение прикупило у местных охотников свежую дичь, так что матушка Се, всплеснув руками, тут же отправилась на кухню тушить крольчатину. Пользуясь моментом, Сяо Шаньцзы на цыпочках пробрался к кувшинам с вином, воровато косясь на Лин Шу. Тот оторвался от счетов, сурово окинул их взглядом и показал один палец.

Ян Е и паренек закивали, угодливо согнувшись в три погибели:

— Поняли, поняли! Только один кувшин, ни капель больше!

<http://bllate.org/book/19546/1998874>